

ПРОМЫСЛЫ ПРОВИНЦИИ: АРХАИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ

Плюснин Юрий Михайлович*

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики, Москва

Цитирование: Плюснин Ю.М. (2018) Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(1): 73–106. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.4>

Аннотация. Представлены результаты полевого эмпирического исследования хозяйственно-экономической деятельности, выступающей в форме промыслов, — самостоятельной активности населения для жизнеобеспечения домохозяйств преимущественно в формах самозанятости, индивидуальной предпринимательской деятельности или найма. Описание соотношения между архаическими и современными видами промыслов проводится с целью создания концепции эволюции промысловой деятельности. Виды промыслов дифференцированы на архаические (традиционные) и современные. Архаические промыслы существуют длительное время (веками и тысячелетиями) почти в неизменном виде, используют природные и сельскохозяйственные ресурсы, ориентированы на старые рынки сбыта. Современные промыслы возникли недавно, используют новые ресурсы, ориентированы на новые рынки. Эмпирическую базу исследования составили местные сообщества Таманского полуострова и Анапской округи, где в 11 населенных пунктах (город Темрюк, 7 станиц и 3 поселка) были собраны материалы о неформальных и формальных промыслах населения методами непосредственного наблюдения и неформализованного фокусированного интервью.

В большинстве местных обществ промысловая активность многообразна, повсеместно выявляется от одного до трех и более десятков видов промыслов, в большинстве из которых практикуется неформальная занятость. В каждом местном обществе присутствуют как архаические, так и современные виды промыслов. Оценка распространенности промыслов и соотношения между архаическими и современными их видами позволяет выделить три полярные группы местных обществ: (1) с преобладанием архаических промыслов; (2) с одинаковой представленностью обоих видов промыслов; (3) с редукцией промысловой активности и переориентацией населения на современные промыслы на базе обильных ресурсов, предоставляемых отдыхающими и туристами. Сопоставление числа и видов про-

* E-mail: jplusnin@hse.ru

мысловых практик с самооценкой качества жизни населения показывает, что трудоемкие и ресурсно небогатые архаические промыслы способствуют высокой устойчивости местных обществ. Переориентация на новые изобильные ресурсы при одновременном отказе от архаических промыслов и сокращении их общего количества сопровождается снижением устойчивости сообществ, что проявляется как в оценках качества отношений между людьми, так и в криминализации сообщества (нарастании преступности, наркомании, проституции).

Построена модель эволюции промысловых практик, основанием которой выступает соотношение архаических и современных видов промыслов в экономическом поведении населения. Модель позволяет предсказать зависимость видов промыслов местного общества от располагаемой ресурсной базы и оценить направления развития промысловой деятельности, угрозы и риски для устойчивости сообществ.

Ключевые слова: промысел, промысловые практики, архаические и современные промыслы, экономическое поведение домохозяйств, система жизнеобеспечения, неформальная экономика, провинциальное местное общество.

Введение

Старинный термин «промысел» непривычен для уха современного российского исследователя в силу недоразумений разного рода, имевших место в 1950–1960-е годы (см. об этом: Павлов, Селеев 2015; Вахитов 2017). По этим причинам для большинства любой промысел ассоциируется с «народным игрушечным промыслом», в лучшем случае — с «кустарным промыслом», и поэтому, как считают А.Б. Павлов и С.С. Селеев, нынешние экономисты, социологи и антропологи полагают, вслед за В.И. Лениным, это понятие негодным для научного использования, вероятно, в силу неоперационализированности или полной сводимости к таким понятиям, как «предпринимательство», «коммерция» или к более общему «бизнес». Между тем понятие «промысел» несводимо ни к тому, ни к другому, ни к третьему. Промысел — это прежде всего самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило, социальных целей. Такое понимание в основных чертах соответствует определениям других авторов, акцентирующих внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности, включающей нерыночные обмены (Скотт 1999; Ильин 2001; Барсукова 2003; 2004; 2012; Barsukova, Radaev 2012), не на экономической, а прежде всего на хозяйственной деятельности (Водарский, Истомина 2004; Павлов, Селеев 2015 *)

* Считаю исчерпывающим описанием промысла следующее: «Исконное понимание “промысла” как источника для добывания средств существования для самого промысловика и его семьи с помощью ремесла или производства уже содержит в себе достаточное отличие от рыночных предпринимательства или

и связи его с сословной структурой российского общества (Кордонский 2010; Вахитов 2017).

Промысловые хозяйственно-экономические практики населения провинциальной России многообразны. Такие практики по преимуществу являются неформальными или теневыми, в том числе и незаконными, способами жизнеобеспечения населения провинции и составляют до половины и более совокупного дохода среднего домохозяйства (см.: Неформальная занятость 1999; Барсукова 2004; Нестандартная занятость 2006). На разных территориях промыслы сильно разнятся в зависимости от природных условий (лесные, водные или земельные ресурсы, эколого-климатические условия), социально-демографических (плотность населения и характер его расселения), социально-экономических (специализация местных экономик, исторически сложившиеся основные модели жизнеобеспечения домохозяйств и т.п.), инфраструктурных (транспортная, промышленная, селитебная структура и пр.) и социально-политических условий. В результате действия специфической совокупности условий на отдельных территориях формируются специфические же, нередко уникальные виды промысловых практик, как-то: специализированные «рассеянные мануфактуры» (Кордонский, Плюснин 2018), «гаражные экономики» (Павлов, Селеев 2016), добычные промыслы (на основе добычи и использования натуральных ресурсов), особые практики «народного освоения» государственных ресурсов (в том числе или по преимуществу бюджетных, см.: Кордонский 2000). Исследование многообразия и уникальности таких промысловых практик позволяет, в частности

бизнеса. А с учетом тех феноменологических описаний промыслов, которые давались в начале XX века, можно структурированно описать явление промысла в современной экономической жизни России как одну из важнейших ее составляющих... Сегодняшний промысел можно описать как один из основных видов экономическойжизнедеятельности «снизу» и направленный на выживание самого промысловика, членов его семьи... Целью промысла является получение прямой выгоды или пользы в виде денег, социальных связей, товаров или услуг, которые позволяют продолжить занятие промыслом, а также обеспечить физическое выживание и повышение социального статуса. Основная особенность промысловой деятельности как процесса — гибкость, позволяющая быстро перестраиваться и успешно избегать излишнего внимания власти, которая рассматривается как угроза осуществлению деятельности ввиду ее желанная рассматривать промыслы либо как пережиток прошлого, либо как угрозу, либо как бизнес, действующий в условиях рыночной экономики. Промыслы практически не пользуются теми институтами, что и классический бизнес, несмотря на то что часто мимикрируют под него ради снижения рисков излишнего внимания власти» (Павлов, Селеев 2015).

в интересах государственного управления, дать оценки социально-экономической и социально-политической устойчивости провинциального российского общества в ситуации перманентных внешних угроз и внутренних рисков (нестабильность внутренней законотворческой и нормативно-правовой практики, неформальные взаимодействия в системе публичного управления, специфические особенности муниципально-частного партнерства и пр.).

В центре моего внимания в данном случае не содержание конкретных промысловых практик как таковых, а соотношение разновременных по происхождению промыслов — древних (архаических), существующих «от века», и современных, возникших совсем недавно, на памяти всего 2–3 поколений, ныне живущих людей. Как используются населением те и другие виды промыслов? Почему обычно более выгодные современные промыслы не изжидают архаические? Как соотносятся те и другие в одних и тех же местных обществах?

Возможным ответом на эти вопросы является то, что экономическая деятельность населения, оформленная в виде промысла, имеет место в особых социальных условиях, в обществе, где продолжают сохранять значение и другие архаические элементы. Описывая российское общество, его историю, отдельные институты, большинство социологов, антропологов, этнологов, историков и политологов определенно указывают на присутствие архаических институтов (или псевдоархаических, по терминологии К. Леви-Строса, и постархаических, по терминологии В.И. Ильина). При этом архаические (общинные) отношения могут являться базой для описания социальной структуры. Основу общинных отношений, по общеизвестной концепции Ф. Тённиса, составляют отношения родства и соседства, взаимности и «общинной воли». То, что современные социологи лишь указывают на их присутствие в обществе, но проявляют к ним в целом немного интереса, не означает, что такие отношения стали играть совсем малую роль в поддержании общественной структуры. Внимательный анализ местных провинциальных обществ, особенно сельских, демонстрирует нередко противоположное (и на это указывают многие исследователи). Необходимо признать, что обменные отношения не замещают полностью отношений «общинных». Отношения родства, соседства и взаимности сохраняют свое значение и в современном обществе, базирующемся на обменных отношениях, только составляют его периферию, а нередко являются псевдоархаическими. Следовательно, мы должны фиксировать и проявление этих атрибутов в современной общественной структуре. Более того, надо предполагать, что такие псевдоархаические общественные институты могут выступать альтернативой «цивилизационной активности» государства, являясь основой как реального местного самоуправления, так и самоорганизации мест-

ных сообществ на основе обычного права (см., напр.: Bocher 1996; Сергеев 2012). Однако обращение к хозяйственным практикам и экономическому поведению населения дает, вероятно, наиболее богатый материал для обсуждения.

Основу моего эмпирического исследования составили следующие простые концептуально связанные предположения. Многообразность промысловых практик населения может быть признаком устойчивости местного общества к различным внешним воздействиям, внешним угрозам. Чем больше видов промыслов может быть зафиксировано и чем они разнообразнее, тем более устойчиво местное общество. Напротив, специализация домохозяйств в немногих или одном виде промыслов может указывать на снижение способности сообщества отвечать на внешние неблагоприятные воздействия (собственно, это известное теоретическое и давно эмпирически обоснованное положение: узкая специализация сужает «экологическую нишу» и тем самым снижает устойчивость любой популятивной и социальной системы (см., напр.: Von Foerster, Zopf 1962; Prigogine, Nicolis, Babloyantz 1972). Не связанная с ней вторая гипотеза состоит в предположении, что архаические промыслы сохраняют свое значение и роль в современной хозяйственно-экономической деятельности населения наряду с новыми и вновь возникающими промыслами постольку, поскольку в обществе сохраняются архаические элементы общественной структуры, прежде всего на «низовом уровне» семьи, родственной группы, локального сообщества. Эта формулировка в целом противоречит общепринятым тезисам о деструктивной роли архаизации социальных отношений и институтов (см.: Ахиезер, 2001; Heylighen, 2008; Сергеев, 2012; Першин, 2014; Ядов, 2014). Однако я придерживаюсь иной точки зрения, поскольку следующим предположением, объединяющим две первые гипотезы, является следующее эмпирически верифицируемое утверждение: разрушение архаических промысловых практик и замещение их новыми, дающими больший экономический результат, но еще не «освоенными», может вести к разрушению базовых структурных элементов местного общества и к его деградации.

Методология и эмпирический материал

Использовалась методология качественного исследования. Основные методы получения результатов: (1) непосредственное наблюдение жизнедеятельности местных обществ; (2) неформализованные фокусированные интервью с местными жителями по вопросам организации хозяйственной и экономической деятельности домохозяйств; (3) в качестве дополнительного источника — сбор и анализ местных информационных материалов, доступных только непосредственно на месте — частных и редких краевед-

ческих источников, частных документов, учетно-отчетных документов, публикаций местных средств массовой информации.

Эмпирическое исследование проводилось в октябре 2017 г. в Краснодарском крае, в юго-западных районах: Анапском и Темрюкском. Во время социологической экспедиции «Промыслы Тамани: структура доходов местного населения», поведившейся под моим руководством в рамках программы НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», были обследованы пригороды Анапы — Витязево, Варваровка, Сукко, Большой Утриш, станицы Гостагаевская и Благовещенская, в Темрюкском районе — город Темрюк и станицы Тамань, Голубицкая, Ахтанизовская, За Родину и Перекоп, поселок Волна. Большинство станиц и поселков, за одним исключением, значительны по численности (в среднем 10 400 человек), мобильность населения невелика, люди хорошо осознают свою связность и особость станицы, к тому же каждый населенный пункт пространственно выделен и имеет отчетливые территориальные границы. Все это позволяет мне считать население станиц местными сообществами, с учетом известных возможных оговорок (см., напр.: Вахштайн, 2016). На рисунке 1 представлена карта-схема обследованных населенных пунктов, располагающихся на территории Темрюкского муниципального района и Анапского городского округа (города-курорта Анапы). Всю эту область мы называем в соответствии с географической принадлежностью Таманским полуостровом с выделением территории Анапской округи.

Специфической особенностью эмпирического исследования являлось то, что в каждом обследуемом сообществе мы имели возможность выявить и описать все распространенные и большинство редких экономических практик населения (за исключением совсем редких, экзотических и неизвестных большинству людей). Информация о промыслах получена непосредственно в населенных пунктах путем прямых наблюдений и неформализованных фокусированных интервью с людьми в домах, на улице или в публичных местах.

Для детализированного описания промысловых практик населения разработана операционализация промысла, представленная тремя составляющими: (1) источник промысла — ресурс, (2) социальная группа, занимающаяся конкретным промыслом, — актер, (3) способ и характер активности по преобразованию ресурса в источник дохода — практика. В описание ресурса входит наименование вида ресурса (сырья), доступность, трудоемкость и сезонность его добычи, способ добычи. В результате такого комплексного описания выделяются ресурсы «естественные», традиционные — природные и сельскохозяйственные, а также ресурсы инфраструктурные (промыслы используют новую транспортную и производственную инфраструктуру территории в качестве ресурса) и такие

Рис. 1. Карта-схема местных обществ Таманского полуострова и Анапской округи, где проводилось изучение промысловой активности населения

новые ресурсы, как санаторно-курортные и бальнеологические (курортологические свойства Черного и Азовского морей, лиманов и пляжей, физические потребности и финансовые средства отдыхающих и туристов). Большинство промыслов неформальны и реализуются домохозяйством в целом, что в значительной степени снимает вопрос структуры социальной группы. Описание практики включает характер и трудоемкость переработки сырья, технологичность процессов добычи и переработки, необходимость в специальных инструментах и технике, интенсивность промысловой активности по трудозатратам и затратам времени, характер утилизации продукции (особенности и способы продажи), доходность промысла и его доля в семейном бюджете, а также место каждого вида

промысла в цепи обменных отношений в сообществе. По совокупности этих признаков и критериям давности практик, ресурсов и рынков промыслы могут быть подразделены на архаические (древние), традиционные (существующие более века) и современные (появившиеся на памяти одного-трех поколений). На основе этих различий составлялась матрица описания всего многообразия архаических и современных промыслов, строками которой стали описания ресурсов, акторов и практик, а столбцами — виды промыслов, которые фиксировались в конкретном местном обществе. В целях нашего исследования этот эмпирический материал использован для выделения и сопоставления архаических и современных промысловых практик домохозяйств.

Многообразие промыслов населения

Неформальные экономические практики населения во всех обследованных сообществах присутствуют в значительном количестве (в каждом от одного до двух-трех десятков разных видов промыслов), хотя и варьируют по распространенности. Часть промыслов регистрируется населением (особенно связанных с гостиничным бизнесом, услугами для отдыхающих), но одновременно широко представлены и неформально. Есть отдельные виды промыслов, которые существуют только в формальном поле (марикультура, рыбоводство). Из общего списка выявленных промыслов, представленных в таблице 1, до половины (17 из 35) в равной мере распространены в большинстве сообществ. Немало и сравнительно редких видов промыслов — до 1/3 (зафиксированы только в нескольких станицах).

Среди всей совокупности промыслов немного таких, где непосредственно используются лишь природные ресурсы. Это прибрежное морское рыболовство и рыбалка в лиманах и реках (включая вылов креветок и других морских беспозвоночных), сбор и продажа на рынках дикоросов (преимущественно ягод, орехов), а также сбор лекарственного сырья (травничество), используемого в качестве натуральных лекарств для нужд семьи и родственников, но также и в практиках народного целительства. Охота как промысел существует, но не распространена, поскольку является теперь слишком дорогим для многих удовольствием и не приносит дохода. Не зафиксировано промысла на древесных ресурсах леса (заготовка дров, пиленого леса, коры, кореньев и т.п.).

К группе промыслов, основанных на природных ресурсах, можно добавить также многообразие форм гостиничного промысла, в той мере, в какой он основывается на непосредственном использовании качеств местности (море и песчаные пляжи, к которым ограничен доступ, многочисленные грязевые ванны, съемное жилье, арендуемое непосредственно на берегу моря, и т.п.). Если учесть, что в большинстве случаев качество предостав-

ляемой услуги не превосходит качества самого природного ресурса, то такое предположение тем более вероятно.

Все остальные виды промыслов основаны на ресурсах преобразованного или неприродного характера. Наиболее важный ресурс, исключительно за счет которого живут многие семьи в городах и станицах, — отдыхающие и туристы, их физические потребности. Сами местные жители хорошо осознают тот факт, что отдыхающие для них не более чем ресурс жизнеобеспечения и относятся соответственно, называя курортников и туристов «бздыхами». Такое в массе своей пренебрежительное отношение к источнику благосостояния не способствует оптимальному использованию этого ресурса, но его чрезмерное изобилие позволяет местным быть привередливыми. До 15 видов всех описанных нами станичных промыслов осуществляются именно на базе ресурса отдыхающих, немало семей существуют исключительно за счет него. Возможно предполагать, что именно поэтому здесь развито так много видов промыслов: сам ресурс очень емкий и богат множеством потребностей отдыхающих.

Преобразованные культурно-хозяйственные (сельскохозяйственные) ресурсы используются в виноградарстве и виноделии, пчеловодстве, животноводстве (производстве молочной и мясной продукции), рыбоводстве, огородничестве, садоводстве, выращивании плодовых деревьев и кустарников. Почти все эти виды промыслов осуществляются на базе домохозяйств, вполне кустарными способами, без привлечения каких-то современных технологий. Нововведения не требуются в силу высокого спроса на продукцию и низкой конкуренции производителей, дополнительным фактором отказа от нововведений является запрос со стороны отдыхающих именно на кустарно, в домашних условиях и «по старинке» произведенную продукцию.

Ресурсы технического происхождения (инфраструктурные) вкупе с интеллектуальными ресурсами производителя используются в таких промыслах, как домашние пекарни (продажа продукции через интернет требует творческого подхода), заготовка и консервирование фруктов и овощей, изготовление сувенирной продукции и игрушек, ремесленное надомное производство (предметы утвари, мебель, инструменты, повозки и т.п.), надомное кузнечное скобяное производство (ковка и литье). Сюда же надо отнести частное жилищное и подсобно-хозяйственное строительство и услуги по ремонту. Эти виды промыслов ориентированы почти исключительно на отдыхающих и многочисленных приезжих, строящих гостевые дома, пансионаты и санатории.

Распространен извоз (услуги такси), хотя ныне крупные фирмы активно вытесняют частников-«бомбил» с этого рынка. Извозчики-частники сохранились в станицах, но имеют трудности с неформальной занятостью таким

промыслом. Извоз, а также автосервис ориентированы почти исключительно на приезжающих. Поэтому и они носят сезонный характер, как и большинство всех здешних промыслов на «бздыхах».

Существенны такие ранее забытые виды промысла, как отходничество (сезонная возвратная трудовая миграция из станиц в крупные города, от Краснодара и Новороссийска до Москвы, и в удаленные промышленные центры, на Север и в Сибирь) и маятниковая трудовая миграция (ежедневные поездки на работу в Анапу, где станичники заняты в основном в сфере услуг — гостиницы, санатории, торговля, такси, охрана и т.п.). Два этих вида промыслов распространены в станицах, где отдыхающих мало и местные жители, соответственно, не могут в достаточной мере обеспечить семью за время курортного сезона.

Еще несколько выявленных видов промыслов используют человеческие интеллектуальные и физические ресурсы — проституция и эзотерические практики (гадание, колдовство, магия), а также целительство (народные целители, использующие лекарственные травы, вещества животного и минерального происхождения, наговоры и заговоры). Целительство тесно связано с эзотерическими практиками, поэтому обычно этими промыслами занимаются одни и те же люди.

Мы не зафиксировали нигде в станицах и даже в Темрюке промыслы на предоставлении сугубо интеллектуальных услуг, таких как репетиторство, частные услуги юристов и бухгалтеров, а также «черное риелторство». Вероятнее всего, они редки или все же осуществляются преимущественно на формальных основаниях. Между тем повсеместен такой «интеллектуальный» промысел, как поиск археологических артефактов для последующей их продажи — «черная археология». Рынок этого промысла — многочисленные туристы.

Совсем новым видом ресурса, на котором процветает нынче промысел населения Тамани и окрестных станиц, — вахтовики, работающие на строительстве моста через Керченский пролив (в этом смысле ресурс относится к транспортным инфраструктурным). Численность вахтовиков сопоставима с численностью всего населения Таманского сельского поселения и даже превышает численность жителей Тамани (18 тысяч вахтовиков и 10 тысяч таманцев), поэтому они оказались очень богатым источником для народных промыслов. Люди сдают в аренду квартиры и дома, строят новые, продают продукты питания, открывают столовые и кафе, торгуют вином и самогоном (чачей), предоставляют интимные услуги многотысячной армии строителей моста. К сожалению для местных, ресурс этот скоротечен — через 1–2 года иссякнет. Но местные надеются, что их место займут отдыхающие и туристы, которых пока в Тамани существенно меньше, чем в районе Анапы и Витязево. Дополнительным источником временной занятости для

населения удаленных от Тамани станиц является трудоустройство на площадках недавно построенного порта на мысе Железный Рог в районе поселка Волна («Морской порт Тамань»), где среди работников до 90 % пока составляют местные жители. Конечно, эта ситуация тоже временная, поскольку в последующем на обслуживании терминалов порта Тамань местных работников обязательно заменят более квалифицированные кадры, но сейчас портовое строительство предоставляет ресурсы для появления нового вида промысла.

В таблице 1 представлена детализированная картина распространенности разных видов промыслов в отдельных обследованных населенных пунктах Таманского полуострова и Анапской округи. Указаны только те виды промыслов, которые удалось непосредственно выявить, отметить и получить информацию от жителей. Наши респонденты либо сами занимаются этими промыслами, либо рассказывают о них как о промыслах, распространенных в их станицах. Очевидно, что если информация о каком-то виде промысла отсутствует, это не значит, что таковой не существует в данном населенном пункте — просто мы его не обнаружили. В таблице отмечены все выявленные нами виды промыслов в каждом населенном пункте (помечены как «х»); если конкретный промысел является распространенным или массовым, в соответствующей ячейке таблицы он отмечен как «хх».

Таблица 1

Список выявленных видов промысловой активности населения отдельных городов и станиц Таманского полуострова и Анапского городского округа

Виды промыслов	Населенный пункт								
	Витязево / Анапа	Благовещенская	Гостагаевская	Сукко и Варваровка	Темрюк	Голубицкая	Ахтанизовская	Волна	Тамань
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Рыболовство, в т.ч. браконьерство	х	хх	х		х	хх	хх	хх	хх
Охота			х		х			х	х
Рыбоводство			х		хх				
Виноградарство и виноделие	хх	хх	х	х	хх	хх	хх	хх	хх
Сбор дикоросов (ягоды)	х	х	хх		х	х	х	х	х

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Огородничество (овощи)	х	xx	xx	х	х	х	xx	xx	х
Садоводство	xx	xx	xx	х	х	х	xx	xx	xx
Пчеловодство		х	xx	х	х		xx		х
Производство молочной продукции	х		xx	х		xx	xx		xx
Производство мясной продукции			xx				х		х
Копчение, соление рыбы	xx	х	xx		х	х			х
Консервация морепродуктов	xx								х
Консервация фруктов, ягод, орехов		xx	xx		х	х	х		х
Хлебопекарное производство			х			xx	xx		х
Надомное ремесленничество				х	х		х		х
Эзотерические услуги (гадания, колдовство)						х			xx
Травничество					х				х
Целительство					х				xx
Проституция	х	xx			xx	xx			xx
Отходничество			xx		xx		х		
Торговля виноматериалами и самогоном	xx	xx		х		х		xx	xx
Гостиничный промысел	xx	xx		xx		xx	х	х	xx
Сдача домов и квартир в аренду	xx	х						xx	xx
Скобяные изделия (ковка, литье)					х				х
Художественные промыслы (сувениры)	xx	xx		х	х		х		xx
Бытовые услуги (парикмахерские и др.)		xx			х				х
Гигиенические услуги (массаж, татуаж)						х	х		х
Услуги для отдыхающих (пляжные аттракционы, прогулки по морю, дайвинг)	xx	х		х		х		х	х
Финансовые услуги (ломбарды, кредитные потребительские кооперативы)	xx				xx				
«Черная археология»	х					х			х
Извоз (услуги такси)	xx			х	xx	х			xx
Автосервис (ремонт)					х		х		х
Маятниковая миграция		х	xx	х	xx	х	х		х
Строительство и ремонт	xx	xx	х		xx	х		xx	х
ВСЕГО отдельных видов промыслов	18	17	16	12	23	19	17	11	31

Можно видеть, что те или иные хозяйственно-экономические практики представлены по-разному даже в соседних станицах, близких по численности населения и характеру традиционной занятости. Различия в количестве и видах промыслов обусловлены в основном экологическими (талассо-, гелио-, бальнео-, климатотерапевтическими) факторами — близостью моря, пляжами, горными склонами. В силу небольших расстояний между станицами, легкой транспортной доступности крупных городов края в распространенности тех или иных промыслов географические и экономические факторы играют меньшую роль. А вот наличие такого ресурса, как отдыхающие, туристы и дачники («москвичи», или «бздыхи»), весьма существенно. Поэтому важнейшие различия обследованных населенных пунктов заключаются в том, какие виды дополнительных (помимо природно-климатических) ресурсов используют домохозяйства в качестве промысловых источников. Для населения пригородов Анапы — Витязево, Сукко, Варваровки, Б. Утриша, а также станиц Благовещенской, Голубицкой — это отдыхающие, туристы. В Тамани и Волне, частью в Темрюке новый важный ресурс — многочисленные строители-вахтовики на строительстве Керченского моста. Кроме того, новым источником дохода для них становится морской порт «Тамань». Жители Гостагаевской и Ахтанизовской не располагают такими обильными новыми ресурсами и вынуждены в большей мере ориентироваться на сельскохозяйственные ресурсы, и лишь в качестве дополнительных выступают производственные и инфраструктурные ресурсы, предоставляемые сферой услуг курортного города.

Выявленное разнообразие промыслов населения Таманского полуострова и Анапской округи следует рассматривать, во-первых, как результат изобилия ресурсов разной природы на этой территории — одновременно и природных, и традиционных сельскохозяйственных, и новых, вызванных туристическим, инфраструктурным и промышленным развитием региона. Во-вторых, такое разнообразие есть признак устойчивости местного общества: чем разнообразнее промысловая активность населения, основывающаяся на ресурсах разной природы, тем вероятнее легкость перехода домохозяйств от одного основного вида промыслов к другому без смены источника ресурсов (например, если ведущими видами промыслов в местном сообществе являются рыболовство, виноградарство, мясо-молочное производство и предоставление гостиничных услуг отдыхающим, то утрата этого последнего ресурса не заставит домохозяйства прибегнуть к такому «спасительному» промыслу, как отходничество, но если «в заглавнике» местного общества не имелось ничего другого, кроме гостиничного промысла, то вероятнее всего при угрозе его утраты люди вынуждены будут уйти в отход скорее, нежели начать разводить скот или отправиться на рыбалку для жизнеобеспечения семьи). Между тем местные общества существенно раз-

личаются по количеству видов промысловых практик — в два и три раза. Различия связаны, вероятно, с соотношением количества архаических и современных практик в конкретном обществе.

Архаика и современность в промыслах населения

Всю совокупность самостоятельных экономических практик населения можно дифференцировать по критерию новизны: в любом местном обществе существуют промыслы традиционные, известные «от века», и новые, появившиеся в наше время. Может быть задан и «более точный» критерий: промыслы, которыми занимается население в течение нескольких и многих поколений, могут считаться традиционными, а промыслы, появившиеся уже на памяти ныне живущих людей, — новыми для конкретного местного общества. Таковыми могут стать и древние экономические практики, недавно перенесенные на местную почву в качестве промыслов, новых для населения. Более того, общество может сохранять рудименты или активно развивать и наиболее древние, архаические промыслы, которые могут воспроизводить архаические формы не только по виду экономической активности, но и по применяемым технологиям и техникам. Поэтому их в полной мере можно назвать «архаическими», не обращаясь к терминам «псевдоархаические» или «постархаические». Такие отработанные веками архаические виды промыслов следует рассматривать как в высокой степени адаптивные и эффективные экономические практики, безусловно, независимые от переменчивых социально-экономических и политических условий.

Продолжительность существования традиционных и особенно архаических промыслов составляет, вероятно, основную причину того, что в сознании населения они воспринимаются в качестве естественных условий жизни, образуют сферу нерелефлексированных представлений. Население может и не рассматривать этот вид деятельности в качестве особого промысла. Так, виноградарство и виноделие является на Тамани повсеместным занятием, почти каждая семья выращивает виноград и производит вино. И хотя значительная (нам, как и никому, неизвестная) доля населения имеет виноградники для продажи сырья и/или непосредственно производит вино на продажу, остальное население не видит в этом промысла, хотя виноградарство с виноделием (но не продажей вина) составляет, безусловно, важную часть структуры общественного дохода населения по двум из шести его основных составляющих: в самообеспечении домохозяйства и во взаимной поддержке и реципрокном обмене семей в сообществе.

Напротив, новые виды промыслов могут являться неустановившимися, не вполне сформировавшимися. Они могут быть эффективны на коротком временном интервале и зависеть от внешних (особенно внеэкономических) обстоятельств. Изменение этих обстоятельств и условий развития промыс-

лов способствует отказу населения от такого нового вида деятельности с большей легкостью, поскольку инновационный вид промысла не опробован в достаточной степени, не получил распространения, не показал своей эффективности в глазах местного общества. Поэтому число таких новых видов промыслов не может быть велико, они единичны и скоротечны. Далеко не всегда они могут быть и зафиксированы, поскольку в памяти населения если и остаются, то лишь как неудачные опыты. Например, несмотря на регулярный обход морской береговой линии на значительном расстоянии от станиц, мы зафиксировали лишь единичный случай небольшой мидиевой (или устричной) фермы в Б. Утрише, состоящей всего из одного мидийно-устричного носителя с десятком сетных рукавов. Между тем давно и хорошо известны благоприятные условия Черноморского побережья для марикультуры, как и незначительность финансовых вложений для организации и начала производства высококорентабельной морепродукции (см.: Холодов и др. 2010). Причина, вероятнее всего, не в невыгодности этого нового вида промысла, а в том, что оно «у всех на виду» и требует официальной регистрации предпринимательской деятельности. Таким образом, производство мидий и устриц не «уведешь в тень», не «спрячешь», как это повсеместно делает население при выращивании свиней в частных подворьях, что нынче практически запрещено Россельхознадзором.

В этом заключается определенный парадокс. Самодеятельное население готово идти на уголовно-административные нарушения, в массовом порядке занимаясь запрещенным выращиванием свиней, получая при этом доход преимущественно в виде самообеспечения семьи (продажа на рынке домашней свинины грозит высоким риском наказания, хотя тоже ведется — в буквальном смысле «из-под прилавка»). Но этот промысел традиционен и население не готово от него отказаться. Как не готово отказаться по тем же причинам и от запрещенного вылова креветок в лиманах (штраф за пойманную креветку составляет 30 рублей, и в итоге штрафные суммы могут быть для местных астрономическими) или отлова осетров (за что грозит уже уголовное наказание). Во всех этих случаях промыслы населения традиционны, неформальны и находятся в экономической «тени» или даже криминальны по современному законодательству. Именно это, наряду с традиционностью («обычное дело»), как кажется, перевешивает их значение в глазах людей по сравнению с безусловными экономическими выгодами нового вида хозяйствования, например мидиево-устричными фермами (по оценкам специалистов, стартовые вложения составляют здесь от 50 тысяч рублей). Между прочим, именно это различие в установках и экономическом поведении населения может быть основанием для логической и содержательной дифференциации понятий «промысел» и «бизнес», на котором настаивает С.Г. Кордонский: «бизнес» всегда связан с деятельностью под регулирующим

воздействием государства и по сути представляет собой способ присвоения и преобразования финансовых средств, тогда как «промысел» есть самостоятельная, в малой степени или никем не регулируемая хозяйственно-экономическая активность населения, являющаяся центральным элементом системы жизнеобеспечения домохозяйства (см.: Kordonsky 2018).

Я предпринял попытку поделить всю совокупность зафиксированных видов хозяйственно-экономической активности населения Тамани на традиционные (и архаические) и современные промыслы (табл. 2). Разделение на традиционные и современные виды промыслов произведено с известной условностью, поскольку всегда можно указать, что почти любой вид промысла, отнесенный в категорию новых, можно назвать и традиционным. Например, «черная археология» была известна и в древности, однако раскапыванием могильников и поиском украшений и драгоценностей население не занималось ни рутинно, ни массово. То же можно сказать и о кустарных

Таблица 2

**Подразделение промыслов населения Тамани на традиционные
(и архаические) и современные виды**

Традиционные и архаические промыслы	Современные промыслы
Рыболовство	Торговля виноматериалами и самогонном
Охота	Гостиничный промысел
Виноградарство и виноделие	Сдача домов и квартир в аренду
Сбор дикоросов	Скобяные и кованые изделия
Огородничество	Художественные промыслы
Садоводство	Бытовые услуги
Пчеловодство	Гигиенические услуги
Производство молочной продукции	Услуги для отдыхающих
Производство мясной продукции	Финансовые услуги
Копчение, соленье рыбы	«Черная археология»
Консервация морепродуктов	Извоз (услуги такси)
Консервация фруктов, ягод, орехов	Автосервис
Хлебопекарное производство	Маятниковая миграция
Надомное ремесленничество	Строительство и ремонт
Эзотерические услуги	Марикультура (мидийно-устричные фермы)
Травничество	Рыбоводство
Целительство	
Проституция	
Отходничество	

промыслах по производству и продаже скобяных и кованых изделий — теперь это почти исключительно сувенирный промысел на отдыхающих, а отнюдь не производство товаров широкого потребления для местного населения. И торговля виноматериалами и самогоном (чачей, коньячными спиртами) является промыслом исключительно на том же туристическом контингенте, вовсе не предназначенном для местных нужд, поскольку каждая семья и прежде и сейчас обеспечивает себя вином и самогоном. Если при этом иметь в виду, что эта деятельность была уголовно-наказуема в советское время, то нынешняя виноторговля, имея глубокие корни, все же должна быть признана новым видом экономической активности населения, имеющего новый рынок сбыта. Строительство и ремонт жилья как вид хозяйственно-экономической деятельности существуют всегда, но в наше время это уже промысел, как и сдача внаем домов и квартир, почти исключительно в сфере гостиничного строительства, и ориентирован он на увеличившийся поток отдыхающих.

Традиционные и архаические промыслы по большей части не требуют пояснений, поскольку все отмеченные занятия известны как издревле существующие. Более того, известно, что рыболовство и виноделие в этом районе составляли основу экономической жизни населения еще в античные времена. Таковыми они остаются и в наши дни для значительного числа семей. В этой же группе промыслов я выделил в отдельные виды такие, как копчение и соление рыбы и морепродуктов, консервация как садовых, так и дикоросов фруктов, ягод, грибов, поскольку в таких промыслах участвуют не только производители, но и многочисленные перекупщики, а сами эти промыслы существовали всегда как одно из средств жизнеобеспечения.

Отмечу особо почти неизвестный исследователям массовый вид народного промысла — отходничество, который указан в качестве одного из традиционных, архаических видов промыслов местного населения. Отходничество в России имеет почти полутысячелетнюю историю, однако следует указать, что в досоветское время этот промысел на юге преимущественно носил характер сельскохозяйственного отхода в крупные помещичьи, в последующем товарные сельские хозяйства (см.: Кулишер 2004), тогда как в советское время он носил название «шабашничества» южных строителей и заготовителей пиломатериалов в северных районах и в Сибири, а сейчас южное отходничество, как и северное, представляет собой в основном промышленный отход, в том числе отход на крупные агропромышленные комплексы (см.: Plusnin et al. 2015).

Иными словами, промысел определяется мною как новый, если он имеет новый рынок, приобрел совершенно иное, чем раньше, содержание (новый рынок и новый вид услуги) или фактически не существовал в прежние годы. Напротив, к традиционным и архаическим видам промыслов отне-

сены такие, которые ни по форме, ни по существу не менялись на протяжении очень длительного времени и всегда составляли более или менее важную часть системы жизнеобеспечения значительного числа домохозяйств в местных обществах. Однако следует признать, что, несмотря на формальную обоснованность всех такого рода разграничений, субъективный компонент все же весьма значителен.

Преобразуем содержание таблиц 1 и 2 в графический вид: показателями будут виды промыслов — традиционные по оси абсцисс и современные по оси ординат, а значения самих признаков — соотношение числа традиционных и современных видов промыслов населения в каждом местном сообществе с учетом распространенности промыслов. Примем еще одну условность, с моей точки зрения важную: в случае, если конкретный вид промысла является распространенным в местном сообществе, ему присваивается коэффициент 2, остальные, в том числе редкие, виды промыслов имеют коэффициент 1 (это отмечено в табл. 1). На рисунке 2 представлено взаимное соотношение промысловой активности населения в десяти обследованных населенных пунктах, дифференцированной по осям «традиционные — современные промыслы» и с учетом локальной распространенности промыслов. Цифры, стоящие после названий населенных пунктов, являются отношением количества традиционных промыслов к количеству современных. Значения меньше единицы фиксируют преобладание современных видов промыслов над традиционными. В данном случае это только три станции — Сукко и примыкающая к ней Варваровка (на графике они объединены), а также пригород Анапы Витязево. Одновременно видно, что в Сукко было выявлено суммарно наименьшее количество промыслов. Количество же зафиксированных видов промыслов той и другой категории в Витязево существенно больше, хотя соотношение остается примерно таким же. Все остальные станции и город Темрюк характеризуются преобладанием традиционных видов промыслов над современными, хотя и в разной степени. В Тамани, Темрюке, Благовещенской, Голубицкой и в поселке Волна по количеству и распространенности традиционные промыслы преобладают над современными в незначительной степени — в среднем в полтора раза (от 1,2 до 1,8 раз). Однако различия между местными сообществами в количестве зафиксированных видов промыслов двукратны.

На общем фоне сильно выделяются местные общества двух станций — Ахтанизовской и особенно Гостагаевской. Доля традиционных промыслов здесь существенно преобладает над современными — в 4 и даже в 8 раз; количество зафиксированных современных видов промыслов очень невелико по сравнению с количеством традиционных. В этом отношении, по количеству промыслов того и другого вида, обе станции контрастны таким, как Витязево или Благовещенская.

Однако следует говорить о контрастах двух родов: в первом случае по преобладанию одного вида промыслов над другим (что репрезентируют промыслы Гостагаевской и Витязево), но и по общему количеству промыслов, зафиксированных в разных станицах (Сукко и Варваровка по сравнению с Таманью). Можно в качестве фактора, определяющего эти контрасты, рассматривать численность населения (ведь естественно предполагать, что чем выше численность населения, тем большее количество промыслов оно практикует). Однако в таком диапазоне численности локальных популяций, который имеют обследованные сообщества (от 550 до 40 000 человек), фактор этот приобретает небольшое статистическое значение (положительная линейная корреляция между численностью популяции и общим количеством зафиксированных видов промыслов составляет $r=0,36$, $v=8$; корреляция с отдельными видами промыслов и их распространенностью несущественна или отсутствует). То же следует сказать и о предположении о роли фактора урбанизации (в городах даже при большей численности населения промыслы менее распространены). По-видимому, здесь действуют факторы не столь явной природы, определяемые прежде всего характером и объемом основного ресурса, используемого населением для промысловой активности. Это природно-климатические ресурсы, определяющие разнообразие, интенсивность и продуктивность сельскохозяйственного производства, и курортологические ресурсы (и обусловленные ими физические потреб-

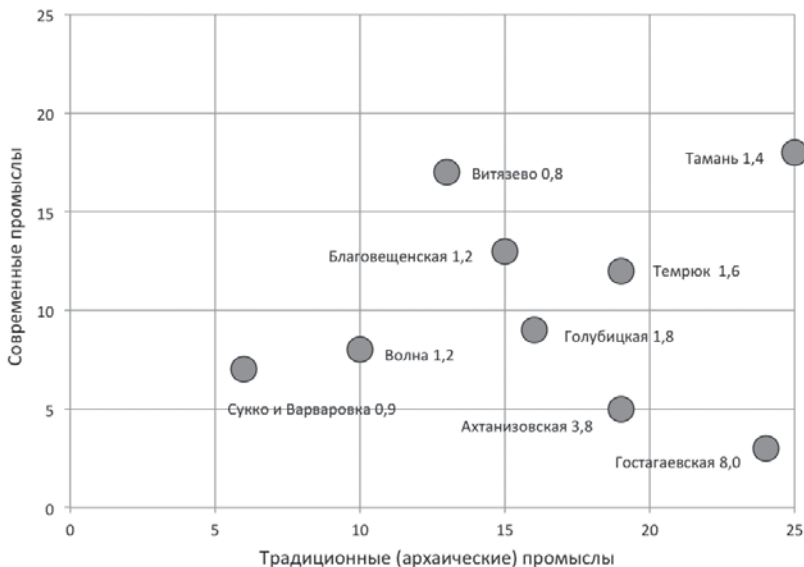

Рис. 2. Соотношение традиционных и современных промысловых практик домохозяйств в обследованных местных сообществах Тамани и Анапы

ности и финансовые ресурсы отдыхающих). В последние годы к ним добавились инфраструктурные и индустриальные ресурсы, способствующие созданию множества новых рабочих мест для населения, и вызванные этим физические ресурсы самих трудовых мигрантов-вахтовиков.

Суммируя, можно заключить, что архаические виды промыслов определяются природными ресурсами и сельскохозяйственным производством, хотя могут быть активированы и в результате появления новых видов ресурсов (как, например, виноградарство и виноделие, с одной стороны, за счет ресурса отдыхающих и отходничество — с другой, за счет инфраструктурного развития территории). Современные виды промыслов развиваются на базе преимущественно или исключительно новых видов ресурсов, ранее на территории не существовавших (как ресурсы, появившиеся в результате современного инфраструктурного и промышленного развития Таманского полуострова). Промыслы, основывающиеся на инновационном использовании природных ресурсов (как марикультура), по-видимому, являются редкими, поскольку население медленно, с трудом и без энтузиазма обращается к такой экономической деятельности, потому что ни выгоды, ни риски, ни внешние угрозы еще не просчитаны.

Местные сообщества, имеющие доступ к новым видам ресурсов, развивают и новые промыслы наряду с традиционными. Если доступность новых ресурсов невысока, население развивает традиционные промыслы, при этом происходит диверсификация этого вида промыслов — население старается использовать все доступные возможности. Напротив, изобилие одного вида ресурсов способствует специализации промыслов на нем и росту зависимости местных сообществ от этого ресурса, что значительно повышает риски для системы жизнеобеспечения.

Влияние современных внешних воздействий и угроз на промыслы населения

Анализируя картину распределения промыслов на рисунке 2, необходимо выделить три контрастных группы: (1) Гостагаевская и Ахтанизовская; (2) Тамань; (3) Сукко и Варваровка, а также Волна. Первая группа — это местные общества, где абсолютно преобладают традиционные и архаические виды промыслов. В этих станицах совсем мало или нет отдыхающих и туристов, нет промышленного или транспортного строительства и промыслы населения базируются прежде всего на природных ресурсах, сельскохозяйственном производстве в подворьях, поэтому существенны маятниковая миграция и традиционное отходничество.

Вторая группа, представленная станицей Таманью, — это местные общества, где население в равной степени интенсивно развивает и традиционные, и современные виды промыслов. Особенность Тамани заключается

в том, что промысловыми ресурсами населения до недавнего времени были почти исключительно природные и сельскохозяйственные, как и в Гостагаевской до сих пор, и только в самые последние годы появились в изобилии инфраструктурные ресурсы: в станице поселилась значительная по численности группа вахтовых рабочих и нарастает волна туристов. Эти радикальные изменения ресурсной базы населения привели к быстрой трансформации видов промыслов: к появлению многих новых современных промыслов. При этом, как всегда бывает в социальных системах, на первых порах появления в изобилии нового вида ресурсов, это способствует значительному увеличению количества отдельных видов промыслов и их экспансии (массовости и распространенности отдельных промыслов). Современная Тамань, таким образом, по характеру промысловой активности населения находится в переходном статусе от преимущественно традиционных промыслов к современным: прежние еще сохраняются в полной мере, но уже появились и многие новые виды промыслов, те и другие сосуществуют в одном сообществе и на одном подворье. Однако надо ожидать, что более выгодные промыслы на новых ресурсах могут потеснить традиционные, как это уже произошло в других станицах.

К этой группе, вероятно, примыкает северо-западный пригород Анапы — курортный поселок Витязево, где местное общество существенно меньше ориентировано на традиционные промыслы (примерно вдвое меньше, чем наблюдаемое в Тамани максимальное их количество), тогда как современных видов промыслов здесь много (близкое к максимальному зафиксированному их количеству). В этом отношении Витязево контрастно Гостагаевской, несмотря на то что оба населенных пункта располагаются гораздо ближе друг к другу, чем относительно остальных обследованных станиц. Ресурсной базой населения Витязево являются почти исключительно отдыхающие и туристы, и на ней выстроены все виды промыслов — не только гостиничный бизнес, но и строительство и ремонт, и производство и торговля вином, и переработка сельхозпродукции приусадебного производства, и извоз, и проституция, и предоставление многочисленных видов пляжных услуг, как и вся кустарная сувенирная продукция. Собственно, и все традиционные промыслы здесь подчинены задаче извлечения дохода из отдыхающих и туристов. Произошла, по сравнению с таманским обществом, специализация промысловой активности местного общества, ресурсное разнообразие уменьшилось благодаря чрезвычайному изобилию одного вида ресурсов. Однако процесс перехода на единственный источник дохода здесь еще не зашел так далеко, как это мы наблюдаем в местных обществах следующей группы.

Третья группа — географически противоположный юго-восточный пригород Анапы: поселки Сукко и Варваровка по количеству, видам и характеру

промыслов составляют контраст Тамани и демонстрируют результат продолжения линии промысловой эволюции, по которой идет витязевское местное общество. Здесь мы смогли зафиксировать на удивление малое количество промыслов, притом что ресурсную базу населения составляют, как и в Витязево, многочисленные отдыхающие. Местное общество перешло к узкой специализации и промышленяет почти исключительно на отдыхающих. Но тут имеет место один существенный фактор, обусловивший, по моему мнению, значительный спад нынешней промысловой активности населения в части традиционных промыслов. Специализация на приезжих отдыхающих способствовала тому, что их контингент стали составлять все более обеспеченные люди, которые со временем перешли от съема жилья к покупке домов, а в последующем и к новому строительству загородных коттеджей, в том числе гостиниц и пансионатов. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда уже приезжие успешно вытесняют местных из гостиничного бизнеса: значительная часть домов для сдачи отдыхающим и большинство новых и строящихся принадлежат приезжим («москвичам»). Местное население практически вытеснено с рынка гостиничных услуг в станице и ее окрестностях. Но при этом большинство традиционных промыслов оставлены или утрачены. Так местное общество стало заложником перехода к узкой промысловой специализации: произошедший извне «захват экономической ниши» гостиничного бизнеса создал угрозу утраты населением этой ресурсной базы. В ближайшей перспективе ему придется (и уже пришлось) искать либо новые ресурсы для новых видов промыслов (что маловероятно для узкоспециализированных по моделям жизнеобеспечения сообществ; см., напр.: Плюснин 1997), либо обращаться к традиционным промыслам, первыми из которых будут наиболее простые в реализации и не требующие значительных стартовых вложений, например отходничество, маятниковая трудовая миграция, проституция.

Обращу специально внимание на следующее важное следствие деградации промысловой активности населения в Сукко и Варваровке, которое уже имеет место сейчас: нарастание преступности, распространение наркомании и проституции. Это единственное местное общество из всех обследованных, где жители говорили о беспокоящей их криминальной ситуации и о том, что это происходит именно в последние годы. Нельзя не связать такую тенденцию с перехватом рынка гостиничных услуг приезжими «москвичами» и предположить, что криминализация и наркотизация местного общества может быть одним из следствий утраты узкоспециализированной ресурсной базы жизнеобеспечения населения.

На примере трех групп местных обществ, полярных по структуре промысловой активности, можно видеть, что население, располагающее только природными ресурсами, сохраняет почти исключительно традицион-

ные промыслы. Появление новых видов ресурсов приводит к резкому увеличению разнообразия промыслов, но изобилие какого-то одного вида ресурсов способствует специализации, которая в крайнем случае приводит к узкой специализации. Местные общества, практикующие архаические и традиционные промыслы, устойчивы к внешним воздействиям, поскольку располагают не контролируемыми со стороны внешних агентов природными и собственными сельскохозяйственными ресурсами и имеют высокую пластичность экономического поведения — домохозяйства. Как правило, у них «в заглавнике» несколько видов промыслов, и они могут переключаться с одного на другой при необходимости. Местные общества, перешедшие к использованию новых видов ресурсов, получают и риски для развития новых видов экономических практик, и угрозы благополучию домохозяйств со стороны внешних агентов, поскольку новые виды ресурсов способствуют узкой специализации промысловой активности и, как следствие, снижению устойчивости. Палка, как всегда, о двух концах: если сохраняешь приверженность традиции, не имеешь впечатляющего экономического успеха, но обеспечиваешь высокую устойчивость на фоне умеренного достатка (пример Гостагаевской); если делаешь ставку только на новое, успех обеспечен, но кратковременен и высок риск развала всей местной экономики, основанной на таких промыслах (пример Сукко). Отсюда можно было бы заключить, что наилучшая позиция где-то посередине (Тамань), но, скорее всего, решение не является столь простым, поскольку должен быть учтен фактор изменчивости. Ресурсы, на которых базируются народные промыслы, не бывают вечными (за исключением, возможно, природных, но и тут речь должна идти скорее о буквально «вечном», т.е. в интервале времени жизни 3–4 поколений). Многие виды ресурсов появляются и исчезают внезапно и быстро, не столько по экономическим, сколько по политическим причинам. Поэтому местные общества, практикующие промыслы, основанные преимущественно на новых видах ресурсов, всегда находятся в «подвешенном» состоянии, зависимы от превратностей и неожиданностей экономической конъюнктуры, потребительских предпочтений, досуговых и культурных традиций, политических обстоятельств (заезженный, но хороший пример — нынешние западные санкции).

Если отвлечься от значения для населения традиционной ресурсной базы, предоставляемой природно-климатическими условиями местности и возможностями сельскохозяйственного производства, и рассматривать только воздействие таких факторов, как курортологический (санаторно-курортные услуги и развитие туризма) и инфраструктурный (транспортное и производственное развитие территории), то сразу обращает на себя внимание разная степень воздействия их на местные общества отдельных ста-

ниц, поселков и городов. Причем влияние этих двух факторов очень разное. Представим это в табличной форме (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение местных обществ по степени влияния факторов
промышленного и инфраструктурного развития территории
и санаторно-курортного и туристического потенциала территории
Анапской округи и Таманского полуострова**

Ресурсные факторы	Отсутствие влияния	Среднее влияние	Сильное влияние
Инфраструктурное развитие территории	Гостагаевская Благовещенская Варваровка Сукко Б. Утриш	Витязево Голубицкая Ахтанизовская	Темрюк Тамань Волна
Санаторно-курортный и туристический потенциал территории (фактор отдыхающих)	Гостагаевская Ахтанизовская Волна	Варваровка Б. Утриш Темрюк Тамань	Благовещенская Голубицкая Витязево Сукко

Источники: Основные направления стратегии социально-экономического развития муниципального образования город-курорт Анапа 2008; Стратегия социально-экономического развития МО Темрюкский район 2014; Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период 2017.

Обратим внимание, что только в одном случае отсутствует влияние сразу обоих факторов — и это как раз гостагаевское местное общество, промыслы населения которого базируются почти исключительно на природных ресурсах. Сильное влияние хотя бы одного фактора наблюдается в семи местных обществах, причем нет двойного среднего или сильного воздействия на какое-то одно местное общество. Между тем совместное влияние обоих факторов, в одном случае сильное, а во втором среднее, оказывается сразу на четыре местных общества: Витязево и Голубицкая, Тамань и Темрюк. Это населенные пункты, где достаточно распространены как традиционные, так и современные промыслы.

Следует предполагать, что влияние фактора инфраструктурного развития территории является более стабильным по сравнению с фактором туристического потенциала территории, в обоих случаях обеспечивающих новую ресурсную базу местного населения. В последнем случае, однако, мы наблюдаем два примера внешних угроз: уже действующую в Сукко, где ресурсная база отдыхающих и туристов практически отнята у местных самими же бывшими отдыхающими, и в Благовещенской, где сравнительно

недавно сложившийся потенциал ресурса отдыхающих угрожает быть утраченным для местных вследствие, во-первых, быстрого пересыхания Витязевского лимана, на северном берегу которого и расположена станица и вдоль которого располагается большинство гостевых домов местных жителей, а во-вторых, по причине захвата теми же «москвичами» пригодной для застройки прибрежной зоны на песчаной косе (тайболе), отделяющей Витязевский и Кизилташский лиманы от Черного моря.

Различия в угрозах утраты ресурсной базы промыслов для местного населения обусловлены тем обстоятельством, что если природные естественные и сельскохозяйственные ресурсы преимущественно доступны местным, а инфраструктурные могут использоваться местными и пришлыми в одинаковой степени, то наиболее изобильные туристические ресурсы могут быть легко перехвачены пришлыми за счет их финансовых преимуществ и возможности предоставить более качественный спектр услуг непосредственно в гостиничном бизнесе и во всех остальных видах (что, в общем, уже и происходит повсеместно).

Таким образом, можно сделать предположение, что, оценивая степень внешнего воздействия и сопровождающих его угроз системе жизнеобеспечения местных обществ, эти последние существенно различаются по устойчивости промысловой деятельности населения. Наибольшая устойчивость характерна для местных обществ Гостагаевской, Ахтанизовской. Наименьшая устойчивость — для местных обществ Сукко и Благовещенская, где население перешло или переходит к специализации промыслов на одном виде ресурсов. Наибольший потенциал развития промыслов — в Темрюке, Тамани, Голубицкой и Витязеве, поскольку к имеющимся в распоряжении населения стабильным природным ресурсам добавлены быстро возрастающие инфраструктурные ресурсы и имеющиеся в изобилии туристические.

Концепция «промысловой эволюции»

Описанная на примере местных обществ Таманского полуострова и Анапской округи ситуация распространения традиционных и новых промыслов населения в зависимости от ресурсных и внеэкономических факторов, а также выделение контрастных (по основанию «архаические — современные») групп промыслов позволяет создать в некотором смысле концепцию (модель) «промысловой эволюции». Представляется, что разнообразие видов промыслов и различия в преобладании современных видов над традиционными и наоборот в разных местных обществах могут быть объяснены следующей концепцией (ее логическая схема — на рис. 3). Эволюция промысловой деятельности населения в местных сообществах рассматривается в оппозиции архаических и современных промысловых практик, подверженных воздействию факторов, влияющих на соотношение этих

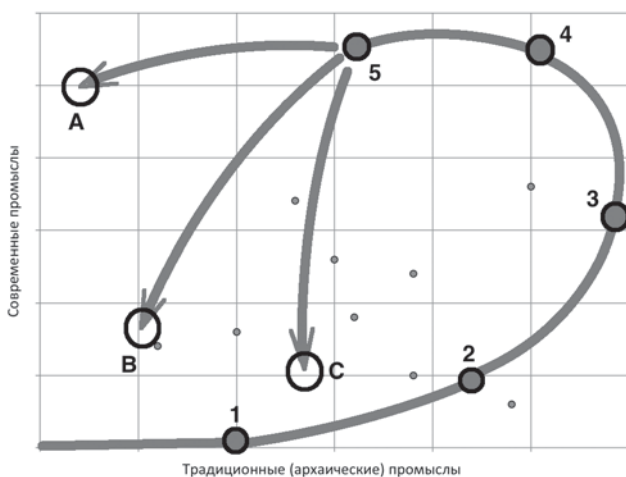

Рис. 3. Модель циклической эволюции архаических и новых промысловых практик локальных сообществ. Пояснения в тексте

практик и их количество. Существенно, что такая эволюция носит циклический характер.

Исходно хозяйственно-экономическая деятельность (развивающаяся в различных формах промысловой активности) любого местного сообщества основывается на естественных природных ресурсах. В случае полного самообеспечения и в условиях социальной изоляции система жизнеобеспечения такого сообщества базируется исключительно на естественных ресурсах. Исторические и современные антропологические материалы дают нам основание предполагать, что такие изолированные локальные сообщества имеют небольшое количество видов промыслов, специализируясь в одном-двух основных. Почти всегда это исключительно архаические виды промыслов, начиная от собирательства дикоросов, охоты, рыбалки. На рисунке 3 это отмечено точкой 1.

Поскольку это предельный случай и современные локальные сообщества взаимосвязаны, всегда имеют место и новые промыслы, использующие какие-то новые ресурсы. В условиях обмена (передача технологий новых промысловых практик) и конкурентного взаимодействия в сообществах не только появляются новые виды промыслов, но и возрастает количество традиционных, базирующихся на заимствованных технологиях сельскохозяйственного производства. Такое положение отмечено точкой 2. Это консервативное, наиболее стабильное состояние социально-экономической системы локального сообщества: промыслы, использующие постоянные природные и сельскохозяйственные ресурсы, дополняются новыми видами, что повышает устойчивость всей системы жизнеобеспечения сообщества.

Появление новых видов ресурсов приводит к быстрому нарастанию конкурентных взаимодействий домохозяйств внутри и между локальными сообществами, но одновременно и к росту взаимозависимости. В эволюции промыслов происходит увеличение до «насыщения» количества традиционных практик и значительного увеличения числа новых видов промыслов. Это положение отмечено точкой 3.

Действие внешних факторов, способствующих изобилию новых видов ресурсов, обуславливает дальнейшее нарастание до «насыщения» количества новых экономических практик. А количество традиционных промыслов начинает снижаться в силу как меньшей ресурсной базы, так и меньшей эффективности сравнительно с новыми, почти всегда более доступными видами ресурсов. Позиция перехода от преобладания традиционных промыслов к преобладанию современных отмечена на рисунке точкой 4.

Наконец, при сохраняющемся изобилии новых ресурсов происходит естественный сдвиг к специализации промысловой активности домохозяйств: на этом фоне сокращается количество традиционных практик как существенно менее выгодных и обычно более трудозатратных, чем современные практики. Современные виды промыслов еще сохраняют свое разнообразие (точка 5), но в дальнейшем происходит диверсификация направлений промысловой эволюции. Это обусловлено естественной и универсальной тенденцией к узкой специализации. В случае, если имеет место как достаточная ресурсная база для новых видов промыслов, так и значительная конкуренция домохозяйств и сообществ, промысловая эволюция идет в направлении, отмеченном точкой «А». Население концентрирует усилия почти исключительно на промыслах, обеспеченных новыми ресурсами, сохраняет разнообразие их, но отказывается от архаических промыслов как неэффективных на фоне новых. В случае постоянного изобилия новых видов ресурсов и в силу этого снижения конкуренции в местном сообществе происходит узкая специализация домохозяйств на немногих наиболее выгодных промыслах (эволюция в направлении «В»). Сообщество занимает узкую «экономическую нишу». Промысловый доход домохозяйств обеспечивает им более высокий уровень жизни сравнительно с «неспециализированными» соседями (что проявляется и во внешних признаках качества жизни). Однако устойчивость подобной модели жизнеобеспечения невелика и находится в сильной зависимости от внешних угроз.

Между тем возможен и вариант «С» в эволюции промысловой активности. Этот вариант предполагает изоляцию (прежде всего самоизоляцию) локального сообщества и/или нехватку новых видов ресурсов. В случае самоизоляции идет сознательный отказ от современных видов промыслов (этот ныне нередкий, особый случай развития по «сектантскому» пути здесь

не обсуждается). В случае же нехватки новых видов ресурсов или исчезновения их источника локальное сообщество возвращается к промыслам на базе естественных ресурсов, и часто как раз к архаическим промыслам.

Приходится думать, что все три конечных точки «промысловой эволюции» («А», «В» и «С») есть неустойчивые состояния системы жизнеобеспечения. Собственные риски и внешние угрозы заставляют домохозяйства либо редуцировать промысловые практики к традиционным и архаическим, либо переходить в цикл и извечно двигаться «по кругу», в котором соотношение традиционных и современных промыслов зависит от внешних переменчивых условий. Но и тот и другой варианты «промысловой эволюции» позволяют нам утверждать, что все многообразие хозяйственно-экономических практик не появляется заново и не исчезает безвозвратно, а сохраняется под спудом общественной памяти и «достается» оттуда по случаю, когда приходит нужное время и обстоятельства этому благоприятствуют.

«Бег по кругу», в логике которого пребывают местные сообщества, одновременно используя и сохраняя древние и современные промысловые практики, закономерно определяет высокую устойчивость сообществ к разного рода внешним воздействиям. «Вылет» из кругового бега — массовый переход домохозяйств к промыслам, выстроенным исключительно на современных ресурсах и ориентированным на новые рынки, свидетельствует о промысловой специализации, которая угрожает деградацией сообщества, утратой населением традиционных промысловых практик, снижением самодельной хозяйственной активности и, в конечном счете, разрушением местной системы жизнеобеспечения. Примеры такого финала мы наблюдаем повсеместно на территориях с прежде высокой концентрацией промышленного производства, где домохозяйства «освободились» от обузы обеспечивать свою жизнь самостоятельно.

Благодарности

Статья подготовлена на основе материалов полевых социологических исследований, проведенных в ходе исследования (проект № 17-01-0027) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Инициатива полевого исследования исходила от к.филос.н. С.Г. Кордонского. Я признателен сотрудникам и студентам НИУ ВШЭ, участникам Таманской экспедиции в 2017 г., обеспечившим сбор полевого материала: к.соц.н. О.А. Моляренко, Л.Г. Романовой, Н.А. Барановой, А.В. Гришечкину, Х.В. Жарской, Т.И. Зайцевой, М. Заяц, Н.В. Кокориной, М. Олянчуку, О.Д. Писареву, А.С. Поповой, А.С. Пьяновой, М.И. Сотниковой, Д.В. Чабан.

Источники

Основные направления стратегии социально-экономического развития муниципального образования город-курорт Анапа (2008) Решение Совета муниципальных образований город-курорт Анапа от 7 февраля 2008 года. [<http://www.anapa-official.ru/adm/ekonomika-i-investicii/socialno-ekonomicheskoe-razvitie/strategicheskoe-planirovanie/>] (дата обращения: 01.04.2018).

Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период. Версия 1.1 (полная) (2017) Краснодар; СПб. [http://economy.krasnodar.ru/razr-strat/files/Proekt_Strategii.pdf] (дата обращения: 01.04.2018).

Стратегия социально-экономического развития МО Темрюкский район (2014) [<http://www.temryuk.ru/nash-rayon/ekonomika/cots-ekonom-razvitie/strategiya-sots-ekon-razvitiya/>] (дата обращения: 01.04.2018).

Литература

Ахиезер А.С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема. *Общественные науки и современность*, 2: 89–100.

Барсукова С.Ю. (2003) Неформальная экономика: понятие, структура. *Экономическая социология*, 4(4): 15–36.

Барсукова С.Ю. (2004) *Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Вахитов Р. (2017) Промысел как феномен сословного общества. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, 1(135): 51–57.

Вахштайн В.С. (2013) К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности, или работа над ошибками. *Социология власти. Сообщества и город*, 3: 8–26.

Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. (2004) *Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий*. М.: ИРИ РАН, 2004.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2006) *Нестандартная занятость в российской экономике*. М.: Издательский Дом ГУ-ВШЭ.

Ильин В.И. (2001) Подарок как социальный феномен. *Рубеж (альманах социальных исследований)*, 16/17. [<http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/ilyin.htm>] (дата обращения: 01.04.2018).

Кордонский С.Г. (2000) *Рынки власти. Административные рынки СССР и России*, М.: ОГИ.

Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. (2018) Архаические экономические институты: «распределенные мануфактуры» в малых городах России. *Мир России. Социология. Этнология*, 4 (в печати).

Кулишер И.М. (2004) *История русского народного хозяйства*. Челябинск: Социум.

Павлов А.Б., Селеев С.С. (2015) Феноменологическое описание современной промысловой деятельности. *Universum: Общественные науки: электронный*

научный журнал, 3(13) URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2015> (дата обращения: 01.04.2018).

Павлов А.Б., Селеев С.С. (2016) *Гаражники*. М.: Страна ОЗ.

Першин Ю.Ю. (2014) *Архаическое сознание: сущность и принципы*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск.

Плюснин Ю.М. (1997) Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания»). ЭКО, Новосибирск, 3: 39–46.

Сергеев Д.В. (2012) Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика. *Мир России*, 21(3): 100–118.

Скотт Дж. (1999) Моральная экономика деревни. *Неформальная экономика: Россия и мир*. Шанин Т. (ред.). М.: Логос, 1999.

Холодов В.И., Пиркова А.В., Ладыгина Л.В. (2010) *Выращивание мидий и устриц в Черном море*. Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. Севастополь.

Шанин Т. (ред.) (1999) *Неформальная экономика: Россия и мир*, М.: Логос.

Ядов В.А. (2014) Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое. *Социологические исследования*, 7: 47–50.

Barsukova S., Radaev V.V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview, *Economic Sociology. The European electronic newsletter*, 13(2): 4–12.

Barsukova S.Yu. (2004) *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz [Informal economy: economical-sociological analysis]*. Izdatel'stvo GU VSHE.

Bocher W. (1996). *Selbstorganisation. Verantwortung. Gesellschaft. Von subatomaren Strukturen zu politischen Zukunftsvisionen*, Opladen: Westdeutscher Verlag.

Heylighen F. (2008) *Complexity and Self-Organization*. Center “Leo Apostel”: Free University of Brussels.

Kordonsky S. (2018) The social structure of Russia. In: Studin I. (ed.). *Russia. Strategy, Policy and Administration*. N.Y.: Palgrave Macmillan: 76–85.

Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.

Prigogine I., Nicolis G., Babloyantz A. (1972) Thermodynamics of evolution. *Physics Today*, 25(12): 38–44.

Von Foerster H., Zopf G. W., Jr. (eds.) (1962) *Principles of Self-Organization*, L.: Pergamon Press.

THE CRAFTS OF A PROVINCE: ARCHAIC AND MODERN ECONOMIC PRACTICES OF THE PROVINCIAL HOUSEHOLDS

*Yuri Plusnin**

National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Plusnin Y. (2018) Promysly provintsii: arkhaischeskiye i sovremennyye ekonomicheskiye praktiki naseleniya [The crafts of a province: archaic and modern economic practices of the provincial households]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(1): 73–106 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.4>

Abstract. This article presents an empirical study of the economic activity of the population, appearing in the form of crafts, that is the entrepreneur's self-supporting activity aimed at household subsistence. Primary forms of such activity are self-employment, individual entrepreneurship and hiring. The purpose of this article is to describe the relationship between archaic and modern types of crafts in the local communities. As a result, the author elaborates the concept of the craft evolution.

The crafts were differentiated into archaic (traditional) and modern. Archaic crafts exist for a long time (centuries and millennia) almost unchanged; they use natural and agricultural resources, and are oriented to old markets. Modern crafts have recently emerged; they use new resources, and are oriented to new markets.

The fieldwork was carried out in local communities in the south of Russia (Krasnodar region, Taman peninsula and Anapa district), where in 11 settlements (the town of Temryuk, 7 stanitsas (rural settlements), and 3 small urban settlements), materials were collected on all types of informal and formal occupations of the population. They are gathered by methods of direct observation and non-formalized focused interview.

In most local communities craft activity is diverse. Everywhere there are from one to three or more dozens of crafts. Most craftsmen practice informal employment. In every local community there are both archaic (traditional) and modern crafts. Estimating the prevalence of household activities and the relationship between archaic and modern crafts allows us to identify three contrast groups of local communities: (1) communities with the prevalence of archaic crafts; (2) communities with an equally large number of both archaic and modern types of crafts; (3) communities with a reduction in craft activity, in which the population reoriented to modern crafts, which are organized on the basis of abundant resources from tourists. The comparison of the number of crafts with self-assessment of the population life quality shows that labor-consuming and not fully resourced archaic (traditional) crafts contribute to maintaining the high resilience of local communities against negative external influences. The reorientation of households to modern (usually abundant) resources with simultaneous abandonment of archaic economic practices and the reduction of the total number of crafts in the local community is accompanied

* E-mail: jplusnin@hse.ru

(or leads) to a decrease in community's stability. It is manifested in the assessment of the quality of relations between people, and in the criminalization of the local community (the growth of crime, drug addiction, prostitution).

The author proposes a model of the crafts development the basis of which is the ratio of archaic (traditional) and modern types of crafts in the economic behavior of the population. The model allows predicting the dependence of the types of crafts in the local communities on the nature and features of the available resource base. It also allows assessing the development trends of the household's craft activity, external threats, and the risks to the stability of local communities.

Keywords: craft, craft practices, archaic and modern crafts, household economic behavior, life support system, informal economy, provincial local society.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017–2018 (grant № 17-01-0027) and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

This field research was initiated by prof. S.G. Kordonsky.

I am grateful to the staff and students of the Higher School of Economics, participants in the Taman expedition in October 2017, which carried out the collection of field material: O.A. Molyarenko, L.G. Romanova, N.A. Baranova, A.V. Grishechkin, H.V. Zharskaja, T.I. Zaitseva, M. Zayats, N.V. Kokorina, M. Olianчук, O.D. Pisarev, A.S. Popova, A.S. Pyanova, M.I. Sotnikova, D.V. Chaban.

References

- Akhiyezer A.S. (2001) Arkhaizatsiya v rossiyskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [Archaization in Russian society as a methodological problem]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2: 89–100 (in Russian).
- Barsukova S.Y. (2003) Neformal'naya ekonomika: ponyatiye, struktura [Informal economy: concept and structure]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 4(4): 15–36 (in Russian).
- Barsukova S.Y. (2004) *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [The informal economy: economic-sociological analysis]. Moscow: Izdatel'stvo GU VSHE (in Russian).
- Barsukova S., Radaev V.V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview, *Economic Sociology. The European electronic newsletter*, 13(2): 4–12.
- Bocher W. (1996) *Selbstorganisation. Verantwortung. Gesellschaft. Von subatomaren Strukturen zu politischen Zukunftsvisionen* [Self-organisation. Responsibility. Society. From subatomic structures to political visions of the future] Opladen: Westdeutscher Verlag (in German).
- Vakhitov R. (2017) Promysel kak fenomen soslovnogo obshchestva [Craft as a phenomenon of an estate society]. *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Economics and management: scientific and practical journal], 1 (135): 51–57 (in Russian).
- Vakhshayn V.S. (2013) K kontseptualizatsii soobshchestva: yeshche raz o rezidentnosti ili rabota nad oshibkami [To conceptualize the community: once again about residency or correction of errors]. *Sotsiologiya vlasti. Soobshchestva i gorod* [Sociology of power. Communities and the city], 3: 8–26 (in Russian).

Vodarskiy Y.Y., Istomina E.G. (2004) *Sel'skiye kustarnyye promysly yevropeyskoy Rossii na rubezhe XIX-XX stoletiy* [Rural crafts of European Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: IRI RAN (in Russian).

Gimpel'son V.Y., Kapelyushnikov R.I. (red.) (2006) *Nestandartnaya zanyatost' v rossiyskoy ekonomike* [Non-standard employment in the Russian economy]. Moscow: Izdatel'skiy Dom GU-VSHE (in Russian).

Heylighen F. (2008) *Complexity and Self-Organization*. Center "Leo Apostel": Free University of Brussels.

Ilyin V.I. (2001) Podarok kak sotsial'nyy fenomen [Gift as a social phenomenon]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovaniy)* [Rubezh (almanac of social studies)], 16/17 (in Russian).

Kordonskiy S.G. (2000) *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii* [The markets of power. Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI (in Russian).

Kordonskiy S. (2018) The social structure of Russia. In: Studin I. (ed.). *Russia. Strategy, Policy and Administration*. New York: Palgrave Macmillan: 76–85.

Kordonskiy S.G., Plusnin Y.M. (2018) Arkhaicheskiye ekonomicheskiye instituty: «raspredelyonnyye manufakturnyye» v mal'nykh gorodakh Rossii [Archaic economic institutions: "distributed manufactories" in small cities of Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 4 (in press) (in Russian).

Kulisher I.M. (2004) *Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva* [The History of the Russian National Economy]. Chelyabinsk: Sotsium (in Russian).

Pavlov A.B., Seleyev S.S. (2015) Fenomenologicheskoye opisaniye sovremennoy promyslovoy deyatel'nosti [Phenomenological description of modern fishing activities]. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektroy nauchnyy zhurnal* [Universum: Social Sciences: electronic scientific journal], 3(13) <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2015> (accessed: 01.04.2018) (in Russian).

Pavlov A.B., Seleyev S.S. (2016) *Garazhniki* [Garage People]. M.: Strana OZ (in Russian).

Pershin Yu.Yu. (2014) *Arkhaicheskoye soznaniye: sushchnost' i printsipy* [Archaic Consciousness: Essence and Principles]. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Omsk (in Russian).

Plusnin Y.M. (1997) Psikhologiya material'noy zhizni (paradoksy sel'skoy «ekonomiki vyzhivaniya») [Psychology of material life (the paradoxes of the rural "survival economy")]. *EKO*, Novosibirsk, 3: 39–46 (in Russian).

Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.

Prigogine I., Nicolis G., Babloyantz A. (1972) Thermodynamics of evolution. *Physics Today*, 25(12): 38–44.

Sergeyev D.V. (2012) Sotsial'no-kul'turnaya situatsiya v Rossii nachala XXI v: retsidivnaya kul'tura, arkhazatsiya, izobretennaya arkhayka [Socio-cultural situation in Russia at the beginning of the XXI century: a recurrent culture, archaization, invented archaic]. *Mir Rossii*, 21(3): 100–118 (in Russian).

Scott J. (1999) Moral'naya ekonomika derevni [Moral economy of the village]. In: *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal economy: Russia and the world]. Shanin T. (ed.). Moscow: Logos, 1999 (in Russian).

Kholodov V.I., Pirkova A.V., Ladygina L.V. (2010) *Vyrashchivaniye midiy i ustrits v Chernom more* [Cultivation of mussels and oysters in the Black Sea]. Institut biologii yuzhnykh morey im. A.O. Kovalevskiy. Sevastopol (in Russian).

Shanin T. (ed.) (1999) *Neformal'naya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World]. Moscow: Logos (in Russian).

Von Foerster H., Zopf G.W., Jr. (eds.) (1962) *Principles of Self-Organization*. London: Pergamon Press.

Yadov V.A. (2014) Transformatsiya postsovetskikh obshchestv: chto boleye znachimo — istoricheski traditsionnoye ili nedavneye proshloye [The transformation of post-Soviet societies: more importantly, a historically traditional or recent past]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 7: 47–50 (in Russian).